Лидия Чарская

Записки институтки
•
Княжна Джаваха
•
Люда Влассовская

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 821(2Рос-Рус)1-44
Ч 22

Серийное оформление В. В. Пожидаева

Оформление обложки И. И. Кучмы

Иллюстрации
П. С. Захарова, А. И. Сударушкина, В. А. Табурина

Чарская Л.

Ч 22 Записки институтки ; Княжна Джаваха ; Люда Влассовская : повести, рассказ / Лидия Чарская. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 704 с. : ил. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-34288-0

Произведениями Лидии Алексеевны Чарской зачитывались многие поколения девочек. В дореволюционной России писательницу ставили в один ряд с классиками русской литературы, а дети мечтали получить ее книгу в подарок на Рождество. Широкую известность принесли Чарской «Записки институтки»: в основу сюжета легли ее собственные воспоминания. Это история Люды Влассовской, которая приезжает в Петербург и попадает в холодные стены Института благородных девиц. Поначалу девочке тоскливо и одиноко, но именно здесь она найдет настоящих подруг.

В повести «Княжна Джаваха» мы узнаем о прошлом лучшей подруги Люды — грузинской княжны Нины Джавахи. Гордое дитя Кавказа, она выросла в солнечном Гори и воспитывалась как мальчишка-джигит. Сможет ли эта свободолюбивая девочка привыкнуть к жизни в институте, где царит суровая дисциплина? В повести «Люда Влассовская» мы застаем героиню на пороге взрослой жизни: Люда заканчивает выпускной класс и уезжает на Кавказ, где поступает в домашние учительницы. Помещенный в конце сборника рассказ «Привидение» повествует об одном примечательном случае из жизни воспитанниц института.

В книге представлены оригинальные иллюстрации, созданные художниками П. С. Захаровым, А. И. Сударушкиным, В. А. Табуриным для подарочных изданий начала XX века.

УДК 821.161.1
ББК 821(2Рос-Рус)1-44

ISBN 978-5-389-34288-0

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Когда веселой чередою
Мелькает в мыслях предо мною
Счастливых лет веселый рой,
Я точно снова оживаю,
Невзгоды жизни забываю
И вновь мирюсь с своей судьбой...
Я вспоминаю дни ученья,
Горячей дружбы увлеченья,
Проказы милых школьных лет,
Надежды силы молодые
И грезы светлые, живые
И чистой юности рассвет...

ГЛАВА I

Отъезд

В моих ушах еще звучит пронзительный свисток локомотива, шумят колеса поезда — и весь этот шум и грохот покрывают дорогие моему сердцу слова:

— Христос с тобой, деточка!

Эти слова сказала мама, прощаясь со мною на станции.

Бедная, дорогая мама! Как она горько плакала! Ей было так тяжело расставаться со мною!

Брат Вася не верил, что я уезжаю, до тех пор, пока няня и наш кучер Андрей не принесли из кладовой старый чемоданчик покойного папы, а мама стала укладывать в него мое белье, книги и любимую мою куклу Лушу, с которой я никак не решилась расстаться. Няня туда же сунула мешок вкусных деревенских коржиков, которые она так мастерски стряпала, и пакетик малиновой смоквы, тоже собственного ее приготовления. Тут только, при виде всех этих сборов, горько заплакал Вася.

— Не уезжай, не уезжай, Люда, — просил он меня, обливаясь слезами и пряча на моих коленях свою курчавую головенку.

— Люде надо ехать учиться, крошка, — уговаривала его мама, стараясь утешить. — Люда приедет на лето, да и мы съездим к ней, может быть, если удастся хорошо продать пшеницу.

Добрая мамочка! Она знала, что приехать ей не удастся, — наши средства, слишком ограниченные, не позволяют этого, — но ей так жаль было огорчать нас с братишкой, все наше детство не расставававшихся друг с другом!..

Наступил час отъезда. Ни я, ни мама с Васей ничего не ели за ранним завтраком. У крыльца стояла линейка; запряженный в нее Гнедко умильно моргал своими добрыми глазами, когда я в последний раз подала ему кусок сахара. Около линейки собралась наша немногочисленная дворня: стряпка Катря с дочуркой Гапкой, Ивась — молодой садовник, младший брат кучера Андрея, собака Милка — моя любимица, верный товарищ наших игр, и, наконец, моя милая старушка-няня, с громкими рыданиями провожающая свое «дорогое дитятко».

Я видела сквозь слезы эти простодушные любящие лица, слышала искренние пожелания «доброй панночке» и, боясь сама разрыдаться навзрыд, поспешно села в бричку с мамой и Васей.

Минута, другая, взмах кнута — и родимый хутор, тонувший в целой роще фруктовых деревьев, исчез из вида. Потянулись поля, поля бесконечные, милые, родные поля близкой моему сердцу Украины. А день, сухой, солнечный, улыбался мне голубым небом, как бы прощаясь со мною...

На станции меня ждала наша соседка по хуторам, бывшая институтка, взявшая на себя обязанность отвезти меня в тот самый институт, в котором она когда-то воспитывалась.

Недолго пришлось мне побыть с моими в ожидании поезда. Скоро подползло ненавистное чудовище, увозившее меня от них. Я не плакала. Что-то тяжелое надавило мне грудь и клокотало в горле, когда мама дрожащими руками перекрестила меня и, благословив снятым ею с себя образком, повесила его мне на шею.

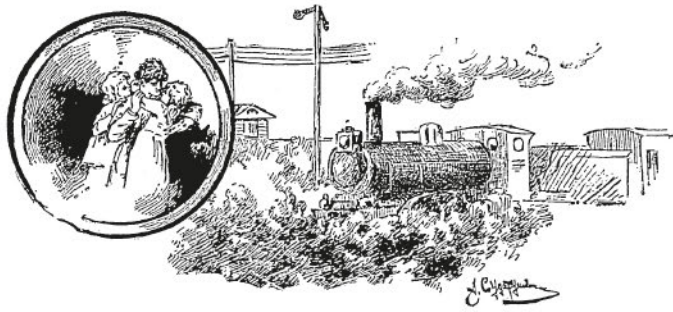
Я крепко обняла дорогую, прижалась к ней. Горячо целуя ее худенькие, бледные щеки, ее ясные, как у ребенка, синие глаза, полные слез, я обещала ей шепотом:

— Мамуля, я буду хорошо учиться, ты не беспокойся.

Потом мы обнялись с Васей, и я села в вагон.

Дорога от Полтавы до Петербурга мне показалась бесконечной.

Анна Фоминишна, моя попутчица, старалась всячески рассеять меня, рассказывая мне о Петербурге, об институте, в котором воспитывалась она сама и куда везла меня теперь.

Поминутно при этом она угощала меня пастилой, конфетами и яблоками, взятыми из дома. Но кусок не шел мне в горло. Лицо мамы, такое, каким я его видела на станции, не выходило из памяти, и мое сердце больно сжималось.

В Петербурге нас встретил невзрачный, серенький день. Серое небо грозило проливным дождем, когда мы сходили на подъезд вокзала.

Наемная карета отвезла нас в большую и мрачную гостиницу. Я видела, сквозь стекла ее, шумные улицы, громадные дома и беспрерывно снующую толпу, но мои мысли были далеко-далеко, под синим небом моей родной Украины, в фруктовом садике, подле мамочки, Васи, няни...

ГЛАВА II

Новые лица, новые впечатления

Было 12 часов дня, когда мы подъехали с Анной Фоминишной к большому красному зданию в Х-ой улице.

— Это вот и есть институт, — сказала мне моя спутница, заставив дрогнуть мое и без того бившееся сердце.

Еще больше обомлела я, когда седой и строгий швейцар широко распахнул передо мной двери... Мы вошли в широкую и светлую комнату, называемую приемной.

— Новенькую-с привезли, доложить прикажете-с княгине-начальнице? — важно, с достоинством спросил швейцар Анну Фоминишну.

— Да, — ответила та, — попросите княгиню принять нас, — и она назвала свою фамилию.

Швейцар, неслышно ступая, пошел в следующую комнату, откуда тотчас же вышел, сказав нам:

— Княгиня просит, пожалуйте.

Небольшая, прекрасно обставленная мягкой мебелью, вся застланная коврами комната поразила меня своей роскошью. Громадные трюмо стояли между окнами, скрытыми до половины тяжелыми драпировками; по стенам висели картины в золоченых рамах; на этажерках и в хрустальных горках стояло множество прелестных и хрупких вещиц. Мне, маленькой провинциалке, чем-то сказочным показалась вся эта обстановка.

Навстречу нам поднялась высокая, стройная дама, полная и красивая, с белыми как снег волосами. Она обняла и поцеловала Анну Фоминишну с материнской нежностью.

— Добро пожаловать, — прозвучал ее ласковый голос, и она потрепала меня по щечке.

— Это — маленькая Людмила Влассовская, дочь убитого в последнюю кампанию Влассовского? — спросила начальница Анну Фоминишну. — Я рада, что она поступает в наш институт... Нам очень желанны дети героев. Будь же, девочка, достойной своего отца.

Последнюю фразу она произнесла по-французски и потом прибавила, проводя душистой мягкой рукой по моим непокорным кудрям:

— Ее надо остричь, это — не по форме. Аннет, — обратилась она к Анне Фоминишне, — не проводите ли вы ее вместе со мною в класс? Теперь большая перемена, и она успеет ознакомиться с подругами.

— С удовольствием, княгиня! — поспешила ответить Анна Фоминишна, и мы все трое вышли из гостиной начальницы, прошли целый ряд коридоров и поднялись по большой, широкой лестнице во второй этаж.

На площадке лестницы стояло зеркало, отразившее высокую красивую женщину, ведущую за руку смуглое, кудрявое маленькое существо, с двумя черешнями вместо глаз и целой шапкой смоляных кудрей. «Это — я, Люда, — мелькнуло молнией в моей голове. — Как я не подхожу ко всей этой торжественно-строгой обстановке!»

В длинном коридоре, по обе стороны которого шли классы, было шумно и весело. Гул смеха и говора доносился до лестницы, но лишь только мы появились в конце коридора, как тотчас же воцарилась мертвая тишина.

— Maman, Maman идет, и с ней новенькая, новенькая, — сдержанно пронеслось по коридорам.

Тут я впервые узнала, что институтки называют начальницу «Maman».

Девочки, гулявшие попарно и группами, останавливались и низко приседали княгине. Взоры всех обращались на меня, менявшуюся в лице от волнения.

Мы вошли в младший класс, где у маленьких воспитанниц царило оживление. Несколько девочек рассматривали большую

куклу в нарядном платье, другие рисовали что-то у доски, третьи, окружив пожилую даму в синем платье, отвечали ей урок на следующий день.

Лишь только Maman вошла в класс, все они моментально смолкли, отвесили начальнице условный реверанс и уставились на меня любопытными глазами.

— Дети, — прозвучал голос княгини, — я привела вам новую подругу, Людмилу Влассовскую, примите ее в свой круг и будьте добрыми друзьями.

— Mademoiselle, — обратилась Maman к даме в синем платье, — вы займитесь новенькой.

Затем, обращаясь к Анне Фоминишне, она сказала:

— Пойдемте, Аннет, пусть девочка познакомится с товарками.

Анна Фоминишна послушно простилась со мною.

Мое сердце ёкнуло. С нею уходила последняя связь с домом.

— Поцелуйте маму, — шепнула я ей, силясь сдержать слезы.

Она еще раз обняла меня и вышла вслед за начальницей.

Лишь только большая стеклянная дверь закрылась за ними, я почувствовала полное одиночество.

Я стояла, окруженная толпою девочек — черненьких, белокурых и русых, больших и маленьких, худеньких и полных, но безусловно чужих и далеких.

— Как твоя фамилия? Я недослышала, — спрашивала одна.

— А зовут? — кричала другая.

— Сколько тебе лет? — приставала третья.

— А ты любишь пирожные? — раздался голос со стороны.

Я не успевала ответить ни на один из этих вопросов.

— Влассовская, — раздался надо мною строгий голос классной дамы, — пойдемте, я покажу вам ваше место.

Я вздрогнула. Меня в первый раз называли по фамилии, и это неприятно подействовало на меня.

Классная дама взяла меня за руку и отвела на одну из ближайших скамеек. На соседнем со мною месте сидела бледная, худенькая девочка, с двумя длинными блестящими черными косами.

— Княжна Джаваха, — обратилась классная дама к бледной девочке, — вы покажете Влассовской заданные уроки и расскажете ей правила.

Бледная девочка встала при первых словах классной дамы и подняла на нее большие черные и недетски серьезные глаза.

— Хорошо, мадемуазель, я все сделаю, — произнес несколько гортанный, с незнакомым мне акцентом голос, и она опять села.

Я последовала ее примеру.

Классная дама отошла, и толпа девочек нахлынула снова.

— Ты откуда? — звонко спросила веселая толстенькая блондинка с вздернутым носиком.

— Из-под Полтавы.

— Ты — хохлушка! Ха-ха-ха!.. Она, mesdames, хохлушка! — разразилась она веселым раскатистым смехом.

— Нет, — немного обиженным тоном ответила я, — у мамы там хутор, но мы сами петербургские... Только я там родилась и выросла.

— Неправда, неправда, ты — хохлушка, — не унималась шалунья. — Видишь, у тебя и глаза хохлацкие и волосы... Да ты постой... ты не цыганка ли? Ха-ха-ха!.. Правда, она — цыганка, mesdames?

Мне, уставшей с дороги и смены впечатлений, было крайне неприятно слышать весь этот шум и гам. Голова моя кружилась.

— Оставьте ее, — раздался несколько властный голос моей соседки, той самой бледной девочки, которую классная дама назвала княжной Джавахой. — Хохлушка она или цыганка, не все ли равно... Ты — глупая хохотунья, Бельская, и больше ничего, — прибавила она сердито, обращаясь к толстенькой блондинке. — Марш по местам! Новенькой надо заниматься.

— Джаваха, Ниночка Джаваха желает изображать покровительницу новенькой... — зашумели девочки. — Бельская, слышишь? Попробуй-ка «нападать», — поддразнили они Бельскую.

— Куда уж нам с сиятельными! — с досадой ответила та, отходя от нас.

Когда девочки разошлись по своим местам, я благодарно взглянула на мою избавительницу.

— Ты не обращай на них внимания; знаешь, — сказала она тихо, — эта Бельская всегда «задирает» новеньких.

— Как вас зовут? — спросила я мою покровительницу, невольно преклоняясь перед ее положительным, недетским тоном.

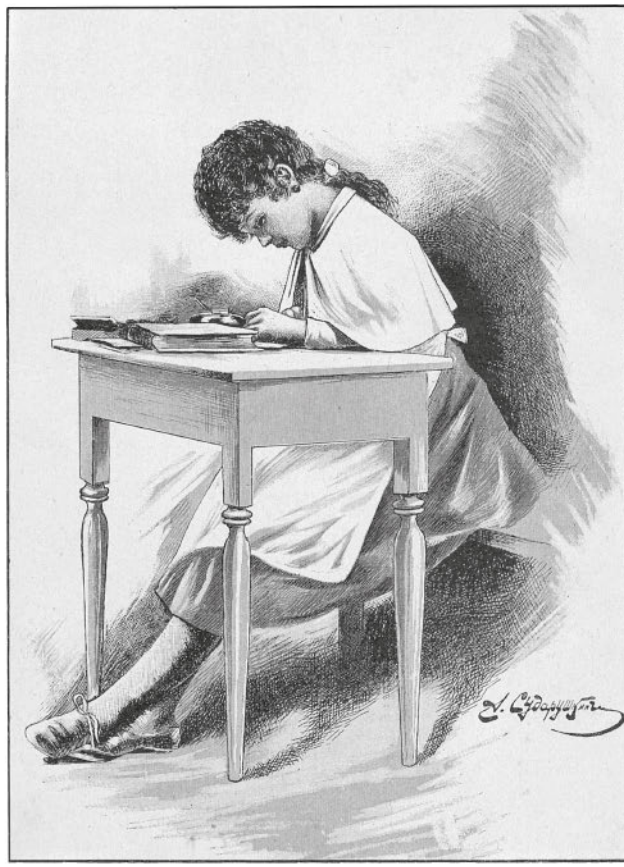
— Я — княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата, но ты меня попросту зови Ниной. Хочешь, мы будем подругами?

И она протянула мне свою тоненькую ручку.

— О, с удовольствием! — поспешила я ответить и потянулась поцеловать Нину.

— Нет, нет, не люблю нежностей! У всех институток привычка лизаться, а я не люблю! Мы лучше так... — И она крепко пожала мою руку. — Теперь я тебе покажу, что задано на завтра.

Пронзительный звонок не дал ей докончить. Девочки бросились занимать места. Большая перемена кончилась. В класс входил француз-учитель.

ГЛАВА III
Уроки

Худенький и лысый, он казался строгим благодаря синим очкам, скрывавшим его глаза.

— Он — предобрый, этот monsieur Ротье, — как бы угадывая мои мысли, тихо шепнула Нина и, встав со скамьи, звучно ответила, что было приготовлено на урок. — Зато немец — злюка, — так же тихо прибавила она, сев на место.

— У нас — новенькая, une nouvelle élève (новая ученица), — раздался среди полной тишины возглас Бельской.

— Ah? — спросил, не поняв, учитель.

— Taisez-vous, Biélsky (молчите, Бельская), — строго остановила ее классная дама.

— Всюду с носом, — сердито проговорила Нина и передернула худенькими плечиками.

— Mademoiselle Ренн, — вызвал француз, — voulez-vous répondre votre leçon (отвечайте урок).

Очень высокая и полная девочка поднялась с последней скамейки и неохотно, вяло пошла на середину класса.

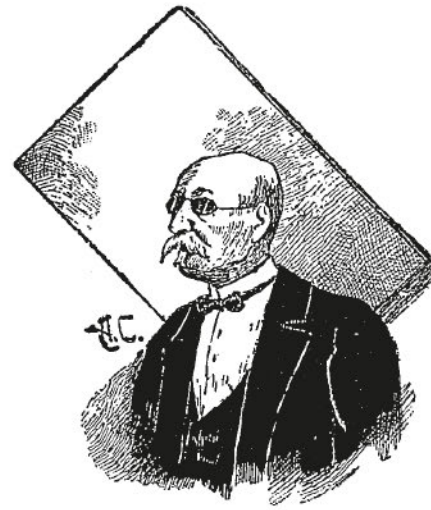
— Это — Катя Ренн, — пояснила мне моя княжна, — страшная лентяйка, последняя ученица.

Ренн отвечала басню Лафонтена, сбиваясь на каждом слове.

— Très mal (очень плохо), — коротко бросил француз и поставил Ренн единицу.

Классная дама укоризненно покачала головою, девочки зашевелились.

Тою же ленивой походкой Ренн совершенно равнодушно пошла на место.

— Princesse Djiavaha, allons (княжна Джаваха), — снова раздался голос француза, и он ласково кивнул Нине.

Нина встала и вышла, как и Ренн, на середину класса. Милый, несколько гортанный голосок звонко и отчетливо прочел ту же самую басню. Щечки Нины разгорелись, черные глаза заблестели, она оживилась и стала ужасно хорошенькая.

— Merci, mon enfant (благодарю, дитя мое), — еще ласковее произнес старик и кивнул девочке.

Она повернулась ко мне, прошла на место и села. На ее оживленном личике играла улыбка, делавшая ее прелестной. Мне казалось в эту минуту, что я давно знаю и люблю Нину.

Между тем учитель продолжал вызывать по очереди следующих девочек. Предо мной промелькнул почти весь класс. Одни были слабее в знании басни, другие читали хорошо, но Нина прочла лучше всех.

— Он вам поставил двенадцать? — шепотом обратилась я к княжне.

Я была знакома с системой баллов из разговоров с Анной Фоминишной и знала, что 12 — лучший балл.

— Не говори мне «вы». Ведь мы — подруги. — И Нина, покачав укоризненно головкой, прибавила: — Скоро звонок — конец урока, мы тогда с тобою поболтаем.

Француз отпустил на место девочку, читавшую ему все ту же басню, и, переговорив с классной дамой по поводу «новенькой», вызвал наконец и меня, велев прочесть по книге.

Я страшно смутилась. Мама, отлично знавшая языки, занималась со мною очень усердно, и я хорошо читала по-французски, но я взволновалась, боясь быть осмеянной этими чужими

девочками. Черные глаза Нины молча ободрили меня. Я прочла смущенно и сдержанно, но тем не менее толково. Француз кивнул мне ласково и обратился к Нине шутливо:

— Prenez garde, petite princesse, vous aurez une rivale (берегитесь, княжна, у вас будет соперница). — И, кивнув мне еще раз, отпустил на место.

В ту же минуту раздался звонок и учитель вышел из класса.

Следующий урок был чистописание. Мне дали тетрадку с прописями, такую же, как и у моей соседки.

Насколько чинно все сидели за французским уроком, настолько шумно за уроком чистописания. Маленькая, худенькая, сморщенная учительница напрасно кричала и выбивалась из сил. Никто ее не слушал; все делали что хотели. Классную даму зачем-то вызвали из класса, и девочки окончательно разбушевались.

— Антонина Вадимовна, — кричала Бельская, обращаясь к учительнице, — я написала «красивый монумент». Что дальше?

— Сейчас, сейчас, — откликалась та и спешила от скамейки к скамейке.

Рядом со мною, согнувшись над тетрадкой и забавно прикусив высунутый язычок, княжна Джаваха, склонив головку набок, старательно выводила какие-то каракульки.

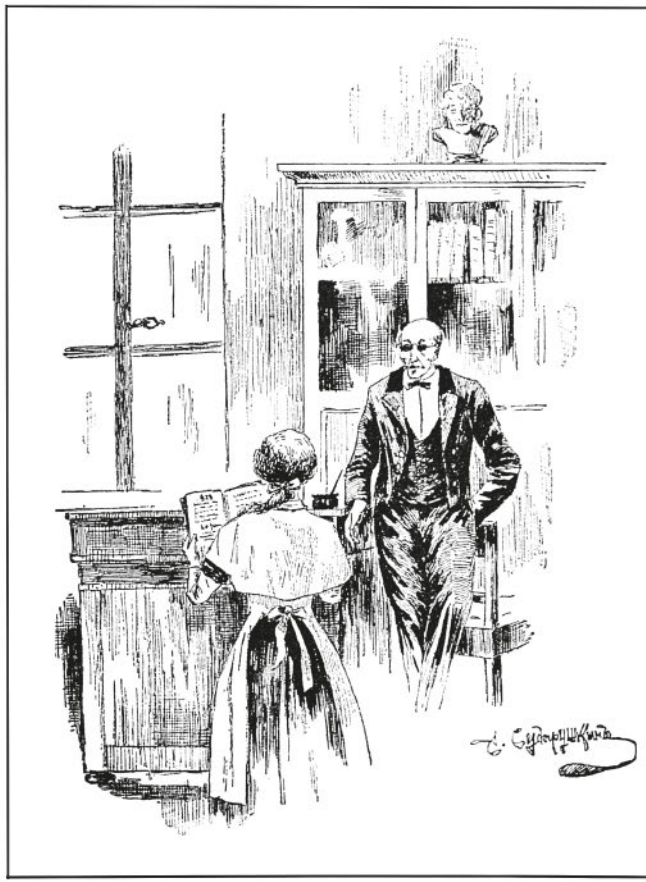
Звонок к обеду прекратил урок. Классная дама поспешно распахнула двери с громким возгласом: «Mettez-vous par paires, mesdames» (становитесь в пары).

— Нина, можно с тобою? — спросила я княжну, становясь рядом с нею.

— Я выше тебя, мы не под пару — заметила Нина, и я увидела, что легкая печаль легла тенью на ее красивое личико. — Впрочем, постой, я попрошу классную даму.

Очевидно, маленькая княжна была общей любимицей, так как m-lle Арно (так звали наставницу) тотчас же согласилась на ее просьбу.

Чинно выстроились институтки и сошли попарно в столовую, помещавшуюся в нижнем этаже. Там уже собрались все классы и строились на молитву.

— Новенькая, новенькая, — раздался сдержанный говор, и все глаза обратились на меня, одетую в «собственное» скромное коричневое платьице, резким пятном выделявшееся среди зеленых камлотовых платьев и белых передников — обычной формы институток.

Дежурная ученица из институток старших классов прочла молитву перед обедом, и все институтки сели за столы по 10 человек за каждый.

Мне было не до еды. Около меня сидела с одной стороны та же милая княжна, а с другой — Маня Иванова — веселая, бойкая шатенка с коротко остриженными волосами.

— Влассовская, ты не будешь есть твой биток? — на весь стол крикнула Бельская. — Нет? Так дай мне.

— Пожалуйста, возьми, — поторопилась я ответить.

— Вздор! Ты должна есть и биток, и сладкое тоже, — строго заявила Джаваха, и глаза ее сердито блеснули. — Как тебе не стыдно клянчить, Бельская! — прибавила она.

Бельская сконфузилась, но ненадолго: через минуту она уже звонким шепотом передавала следующему «столу»:

— Mesdames, кто хочет меняться — биток за сладкое?

Девочки с аппетитом уничтожали холодные и жесткие битки... Я невольно вспомнила пышные свиные котлетки с луковым соусом, которые у нас на хуторе так мастерски готовила Катря.

— Ешь, Люда, — тихо проговорила Джаваха, обращаясь ко мне.

Но я есть не могла.

— Смотрите на Ренн, mesdames'очки, она хотя и получила единицу, но не огорчена нисколько, — раздался чей-то звонкий голосок в конце стола.

Я подняла голову и взглянула на середину столовой, где ленивая, вялая Ренн без передника стояла на глазах всего института.

— Она наказана за единицу, — продолжал тот же голосок. Это говорила очень миловидная, голубоглазая девочка, лет восьми на вид.

— Разве таких маленьких принимают в институт? — спросила я Нину, указывая ей на девочку.

— Да ведь «Крошка» совсем не маленькая — ей уже одиннадцать лет, — ответила княжна и прибавила: — Крошка — это ее прозвище, а настоящая фамилия ее — Маркова. Она любимица нашей начальницы, и все «синявки» к ней подлизываются.

— Кого вы называете синявками? — полюбопытствовала я.

— Классных дам, потому что они все носят синие платья, — тем же тоном продолжала княжна, принимаясь за «бланманже», отдающее стеарином.

Новый звонок возвестил окончание обеда. Опять та же дежурная старшая прочла молитву, и институтки выстроились парами, чтобы подняться в классы.

— Ниночка, хочешь смоквы и коржиков? — спросила я шепотом Джаваху, вспомнив о лакомствах, заготовленных мне няней.

Едва я вспомнила о них, как почувствовала легкое щекотание в горле... Мне захотелось неудержимо разрыдаться. Милые, бесконечно близкие лица выплыли передо мною, как в тумане.

Я упала головою на скамейку и судорожно заплакала.

Ниночка сразу поняла, о чем я плачу.

— Полно, Галочка, брось... Этим не поможешь, — успокаивала она меня, впервые называя меня за черный цвет моих волос Галочкою. — Тяжело первые дни, а потом привыкнешь... Я сама билась как птица в клетке, когда привезли меня сюда с Кавказа. Первые дни мне было ужасно грустно. Я думала, что никогда не привыкну. И ни с кем не могла подружиться. Мне никто здесь не нравился. Бежать хотела... А теперь как дома... Как взгрустнется, песни пою... наши родные кавказские песни... и только. Тогда мне становится сразу как-то веселее, радостнее...

Гортанный голосок княжны с заметным кавказским произношением приятно ласкал меня; ее рука лежала на моей кудрявой головке — и мои слезы понемногу иссякли.

Через минут десять мы уже уписывали принесенные снизу сторожем мои лакомства, распаковывали вещи, заботливо уложенные няней. Я показала княжне мою куклу Лушу. Но она даже едва удостоила взглянуть, говоря, что терпеть не может кукол. Я рассказывала ей о Гнедке, Милке, о Гапке и махровых розах, которые вырастил Ивась. О маме, няне и Васе я боялась говорить, они слишком живо рисовались моему воображению: при воспоминании о них слезы набегали мне на глаза, а моя новая подруга не любила слез.

Нина внимательно слушала меня, прерывая иногда мой рассказ вопросами.

Незаметно пробежал вечер. В восемь часов звонок на молитву прервал наши беседы.

Мы попарно отправились в спальню, или «дортуар», как она называлась на институтском языке.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА ЧАРСКАЯ

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ

•

КНЯЖНА ДЖАВАХА

•

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ

Ответственный редактор Людмила Ворончихина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Екатерины Мишиной
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.11.2026.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 43,12. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

12+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-ARL-43707-01-R